

Вспоминая, как когда-то на стенде выставки в Академии искусств он за несколько десятков секунд прочитал всю жизнь «Цзинь Шу», Хань Чжоу понимал, что за этими скупыми строчками времени скрывалась невыразимая словами горечь. И даже после этого небеса не проявили милосердия, оставив ему в качестве единственной компенсации лишь бескрайнее одиночество.

Каждый раз, когда Хань Чжоу представлял, как его сокровище страдало больше года, его сердце сжималось так, что он едва мог дышать. Даже во сне, когда ему снился пожар, он просыпался в ужасе. А каково было бы действительно сгореть заживо?

Он не мог представить, как Цзинь Шуань, человек такой чистоты и благородства, смог пережить все эти унижения. Одни лишь мысли об этом заставляли его сердце сжиматься.

История Цзинь Шуаня заставляла Хань Чжоу быть осторожным, но любовь должна быть открытой и искренней, иначе рано или поздно она угаснет.

Экран телефона загорелся, и Цзинь Шуань прислал сообщение: [Спокойной ночи]. Всего два слова, но даже через экран Хань Чжоу чувствовал их теплоту. Сколько же силы воли потребовалось этому человеку, чтобы сохранить свою сущность в отчаянии?

Сердце Хань Чжоу сжалось, и он, не сдерживаясь, набрал номер.

Деревенские ночи были однообразными, но не скучными. Лу Е и его друзья играли в карты в соседней комнате, а Хань Чжоу, подавленный своими мыслями, уже давно лег спать. В комнате не было света, лишь слабый лунный свет просачивался через тонкие занавески, едва освещая пространство.

Цзинь Шуань ответил на звонок почти мгновенно, будто ждал его, но не произнес ни слова.

Как и Хань Чжоу, он испытывал слишком много эмоций, которые не мог выразить словами.

Хань Чжоу лежал лицом к кровати, где раньше спал Цзинь Шуань, и несколько раз пытался что-то сказать, но в конце концов просто закрыл глаза, слушая дыхание в трубке и представляя, что они всё ещё лежат рядом.

Никто из них не произнёс ни слова, и Хань Чжоу не помнил, когда заснул. Проснувшись утром, он обнаружил, что телефона нет рядом.

— Ты, похоже, совсем влюбился, — Лу Е поднял телефон с подоконника и протянул ему. — Раньше ты во время этюдов успевал и рыбу ловить, и курицу жарить, а вечером играл с нами в карты. Но с тех пор как Цзинь Шуань уехал, ты будто потерял душу. Ученики спрашивают, не пара ли вы с тем красавцем, а я оправдываюсь, говоря, что ты испугался кабана. Чушь! Ты бы сам кабана напугал!

Лу Е знал, что Хань Чжоу не из робких. В тот день они действительно встретили кабана, но все обошлось, так что это не могло быть причиной его уныния.

Он подсел поближе, скрестив ноги, и с возбуждением спросил:

— Эй, брат, как вы тогда справились с тем кабаном? Я слышал от охотников, которые потом ходили в орешник, что зверь весил около четырёхсот фунтов, клыки уже выросли. Обычно с такими справляются несколько человек, а вы вдвоём ему голову отрубили. Это просто круто!

Хань Чжоу, заряжая телефон, замер на мгновение, вспоминая тот день. Цзинь Шуань тогда действительно выглядел героем, но, думая о том, какой ценой это далось, он ощущал лишь боль.

Он не ответил напрямую, а вместо этого спросил:

— Когда ты вчера забрал мой телефон, в нём ещё был заряд?

— Нет, он уже не включался, — ответил Лу Е, слегка разочарованный отсутствием ответа. — Мы с Ван Чао вернулись около половины первого, ты лежал на боку, телефон на лице. Я думал, ты разговариваешь, но потом понял, что ты просто молчишь. Я тебя позвал, но ты не ответил, так что я просто убрал телефон.

Он спрыгнул с кровати и начал копаться в чемодане, нарочито презрительно добавив:

— Сколько же вам есть о чём говорить? Ты пришёл ещё до заката, а телефон разрядил до нуля. Неплохо!

Он вдруг поднял голову, улыбаясь:

— Эй, а почему ты вдруг полюбил мужчину?

Хань Чжоу промолчал, представляя, как Цзинь Шуань сидел в офисе, держа телефон и слушал его дыхание несколько часов. Его сердце наполнилось теплом и горечью.

Они с Цзинь Шуанем подходили друг другу не потому, что кто-то терпел другого, а потому, что они были настоящими компаньонами, дополняющими друг друга. Хань Чжоу был как шип, казавшийся обычным, но на самом деле подходящий только к одному пазу.

Он встал с кровати, взял зубные принадлежности и вышел, говоря тихо, будто отвечая Лу Е, а будто самому себе:

— Я не люблю мужчин, я люблю его.

Десять дней на пленэре пролетели быстро. Студия Хань Чжоу добилась значительных успехов в цветочных практиках, и многие ученики заметно улучшили свои навыки.

Мастерская Цзинь Шуаня уже полностью переехала, и, когда Хань Чжоу вернулся с учениками, он увидел его ассистента внизу. Тот помахал ему:

— Хань-лаоши, вы вернулись. Как прошло?

— Неплохо, — Хань Чжоу помахал в ответ.

Ассистент раньше подвозил его домой, так что, видимо, догадывался об их отношениях и потому был особенно приветлив.

— Ваш босс наверху? — спросил Хань Чжоу.

— Утром уехал, — покачал головой ассистент. — На стройке произошли изменения, господину Цзинь пришлось срочно уехать в город Y.

Хань Чжоу улыбнулся, облегчённый тем, что пока не придётся встречаться, но одновременно раздражённый тем, что даже после возвращения они не смогут увидеться.

Студия наняла стажёра, и нагрузка на Хань Чжоу резко снизилась. Он сидел у окна, возясь с цветочными горшками. Во время пленэра уборщица ухаживала за его брокколи на подоконнике, и, вернувшись, он с удивлением обнаружил, что там появился ряд нежных ростков.

Хрупкие ростки, ещё не длиннее пальца, по форме напоминали листья редиса.

Хань Чжоу дотронулся до ростков. Перед уходом ассистент сказал, что в офисе Цзинь Шуаня тоже проросло растение в стеклянном горшке, и он сам каждый день ухаживал за ним, очень любил его.

Хань Чжоу посмотрел в сторону здания. Теперь ему не нужно было считать этажи, он сразу находил двадцать второй, где было окно Цзинь Шуаня.

На стеклянном фасаде отражались небо и облака, и, хотя снаружи было трудно разглядеть внутреннее пространство, Хань Чжоу казалось, что у подножия высокого окна он видит ряд зелёных листочков.

Он взял подушку, чтобы прилечь у окна, но в этот момент телефон в кармане завибрировал. Хань Чжоу достал его и увидел сообщение от Чжао Сунчжи: [Купил вещь?]

Хань Чжоу не сразу ответил, достал из ящика небольшой лакированный ящичек. Он был сделан из нефрита, украшен золотыми нитями и драгоценными камнями, размером с коробочку для колец, слегка потрёпанный, но невероятно изысканный.

У него дома было ещё несколько таких вещей, оставшихся, по словам матери, от бабушки. Он достал из коробки камень размером с лонган, сжал его в ладони и ответил Чжао Сунчжи: [Купил, спасибо за помощь, как-нибудь поедим вместе].

...

Цзинь Шуань уехал срочно и так же неожиданно вернулся. В день его возвращения Хань Чжоу как раз собирался пойти перекусить с Лу Е и Линьлинь.

Лу Е и Линьлинь тепло поприветствовали его, а Цзинь Шуань и Хань Чжоу на мгновение замолчали, лишь обменявшись взглядами, прежде чем снова прийти в себя.

— Я забронировал столик, поедим вместе, — Цзинь Шуань не сделал шаг вперёд, говоря это, и его взгляд был полон осторожности.

Он боялся, что Хань Чжоу откажется, что за столиком на двоих он окажется один.

Но Хань Чжоу не отказал и не мог отказать.

Ему было больно. Всего две недели назад они были неразлучны, а теперь при встрече чувствовали себя чужими.

Он подошёл и похлопал Цзинь Шуаня по пояснице:

— Подожди, я поднимусь за вещью, потом поедим обедать.